

Потехин Алексей Антипович

Сочинения

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А47

А47 **Алексей Антипович П.**
Сочинения: Том 5 / Потехин Алексей Антипович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
488 с.

ISBN 978-5-519-79330-8

ISBN 978-5-519-79330-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оглавление

Крестьянскія дѣти. Разсказъ.

Сироты	3
Сиротская жизнь. Первые шаги .	40
Полевая работа	94
Зимняя пора	136
На фабрику	170
Фабричный мальчишка .	215
Иванъ да Марья. Повѣсть .	259

Крестьянскія дѣти.

Разказъ.

Сироты.

Въ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ скудость и неурожайность почвы, короткое лѣто и длинныя зимы не позволяли крестьянамъ сосредоточить свои силы на одномъ хлѣбопашествѣ, а вызвали промыслы и фабричную дѣятельность, — до сихъ поръ еще существуетъ деревня Ломы.

Неприглядная сама по себѣ, вся изъ небольшихъ, трехъоконныхъ, крытыхъ соломой избенокъ, — она и помѣстилась на скучной, плоской, болотистой мѣстности. Не было при деревнѣ даже никакой рѣчки, никакого ручейка: воду для питья брали изъ колодцевъ, которые, кстати, въ болотистой почвѣ копать было легко и удобно; а для водопоя скота въ концѣ деревни былъ вырытъ мелкій прудъ, вѣчно затянутый зеленью и ржавчиной. Можетъ быть и вѣроятно, нѣкогда деревню окружали дремучіе лѣса; но крестьянская нужда, запашка и русская небрежность, а затѣмъ фабрики, — давно уже уничтожили ихъ далеко кругомъ, — и деревня Ломы стояла, какъ говорится, на полнѣйшемъ пустопльсѣ, ничѣмъ, ни откуда не защищенная отъ суровыхъ зимнихъ вѣтровъ и мятелей, отъ лѣтняго зноя и отъ всякихъ иныхъ лихихъ непогодъ. Торчавшія кое-гдѣ по огородамъ одинокія ветлы, березы и рябины не давали тѣни, не украшали мѣст-

ности, а служили только пристанищемъ воронъ и га-
локъ, которыя, отъ времени до времени, косыми
тучами поднимались и пролетали надъ деревней въ
поле и обратно, оглушая воздухъ своимъ каркань-
емъ и криками.

Трудно себѣ представить болѣе печальное мѣсто
для жилища человѣка: видъ деревни прежде всего
наводилъ на мысль о бѣдности ея обитателей, о
тоскѣ и скукѣ жизни въ ней. И мужики здѣсь,
дѣйствительно, жили бѣдно, по нашему, — „ровнень-
ко“, по ихнему мнѣнію; но ни скуки, ни тоски
не знали, и даже любили свою деревню, гдѣ роди-
лись и умерли ихъ дѣды и прадѣды, гдѣ они сами
родились, бѣдствовали, трудились. Они не только
любили свою родину, но даже любовались ею, нахо-
дили въ ней особенныя удобства и красоты.

„Да чѣмъ наше не мѣсто?“ — говорили они. —
„Наше мѣсто привольное: глянь-ка, — куда видать
во всѣ стороны; мѣсто открытое, ровное, — ни горы,
ни овражины, поѣзжай, куда хошь ... А воды-то
сколь у насъ! не какъ у людей, — по тридцати
сажень колодцы роютъ: у насъ копни, гдѣ хошь,
аршина на два — сейчасъ тебѣ и вода ... Хлѣбъ у
насъ родится, благодарить Бога, не хуже людей ...
Травки, хоть она крупненька и жестконька, да зато
ея въ-волю ... ну, про телятъ гуменники косимъ ...
Нѣтъ, у насъ, благодарить Бога, мѣсто привольное,
хорошее ... Вотъ лѣскомъ пообездолились; ну, да
всѣмъ не возьмешь ... Да по нынѣшнему времени,
куда ни поди, лѣсовъ-то нѣтъ ... Кои и стоятъ,
такъ либо барскіе, либо купецкіе; да и тѣхъ въ ума-
леньи ... Да, насчетъ отопленья тѣсненько стало,
нечего сказать: лучинку — освѣтиться — ту поди,
купи, да поѣзжай за десять верстъ ... А то, чего

не жить на нашемъ мѣстѣ? наше мѣсто самое привольное ...

— Отчего же вы не поправляетесь, не богатеете? — спросишь ихъ.

— Какъ не поправляемся? Нѣтъ, мы живемъ ничего, благодарить Создателя, — живемъ не хуже людей ... Недоимка на насъ стоитъ небольшая; скота — слава Богу: безъ лошади ни одного двора не найдешь ... Живемъ ровно всѣ; другъ противъ друга никто не выскочилъ ... Ну, а богатѣть — это отъ Бога; кому какой предѣлъ ... У насъ богатѣевъ нѣтъ, всѣ одинъ къ одному живемъ ...

На эту деревню, на ея добродушныхъ обитателей, нѣсколько лѣтъ назадъ, обрушился страшный бичъ: появилась холера. Эта ужасная эпидемія, какъ чудовищный звѣрь какой, переносилась изъ селенія въ селеніе, останавливалась, пожирала избранныя жертвы — и, насытившись, шла далѣе. Крестьяне встрѣчали ее, какъ настоящія обреченныя беззащитныя жертвы. Правительство принимало мѣры, рассылало врачей, печатало наставленія — какъ лѣчиться, какъ предохранять себя отъ болѣзни, — и эти мѣры достигали цѣли въ городахъ: чудовище уступало знанію — и, побѣжденное, скоро уходило прочь; но въ деревняхъ оно почти не встрѣчало сопротивленія, жертвы не защищались.

И что могли сдѣлать, какъ могли защищаться крестьяне? Наука доказываетъ, что главныя мѣры предохраненія составляютъ: правильная жизнь, питательная, не обременяющая желудка пища, осторожность отъ простуды, равномерная температура и чистый воздухъ въ жилищахъ. А крестьянинъ ѣстъ говядину два-три раза въ году, по большимъ праздникамъ: въ остальное же время наполняетъ желу-

докъ однимъ ржанымъ хлѣбомъ, капустой, кислымъ молокомъ, лукомъ, грибами; круглый годъ онъ не знаетъ другой пищи, да и не можетъ имѣть ея; онъ по цѣлымъ днямъ иногда долженъ работать или въ сырости, или подъ дождемъ, или подъ палящимъ зноемъ, и за благо считаетъ освѣжить перегорѣвшее горло тѣмъ же кислымъ квасомъ, или водой изъ перваго встрѣчнаго бочага; а возвращаясь усталый и измокшій домой, онъ съ радостью залѣзаетъ на горячую печку, чтобы согрѣться и отдохнуть, и дышетъ въ своей избѣ воздухомъ, зараженнымъ испареніями всего сѣстнаго, что здѣсь же готовилось, — всего домашняго скарба, испареніями нагольных полушубковъ, которые составляютъ и его одежду, и постель, и изголовье, и одѣяло; измученные жаромъ, духотою, недостаткомъ воздуха въ избѣ, они ложатся спать — или въ сѣняхъ, гдѣ дуетъ и врывается холодный и сырой ночной воздухъ, во все щели стѣнъ и пола, — или въ сараѣ, или прямо подъ открытымъ небомъ. Возможно ли, при такихъ условіяхъ жизни, не захворать при эпидеміи, а заболѣвши вылѣчиться, хотя бы и при помощи цѣлаго медицинскаго факультета? Крестьянина спасаетъ и защищаетъ отъ болѣзни только одна природа; только закаленный, ко всему привыкшій и притерпѣвшійся организмъ.

Холера особенно сильно свирѣпствовала въ Ломахъ. Крестьяне объясняли это особеннымъ гнѣвомъ Божиимъ, и никто не подумалъ, что причина заключалась въ мѣстныхъ условіяхъ, — въ болотныхъ испареніяхъ, которыми дышала деревня, въ отсутствіи всякой растительности, въ быстромъ переходѣ отъ дневного зноя къ ночной сырости, въ колодезной водѣ.

Много уже жертвъ похитила холера, — многих домохозяевъ потеряла деревня, многихъ членовъ не досчитывались семьи. Ужась, уныніе, какой-то страхъ и тупая покорность видѣлись въ глазахъ оставшихся живыми; притупились даже сострадательность и сочувствіе къ чужому горю и страданію, которыя составляютъ отличительное свойство русскаго народа; начинали бояться другъ друга, сторонились одинъ отъ другого; не слышалось даже тѣхъ воплей, стонровъ и причитаній, которыя сопровождаютъ похороны: какое-то тупое, безмолвное отчаяніе царило въ деревнѣ.

Въ числѣ жертвъ холеры былъ одинъ крестьянинъ въ Ломахъ, не старый еще человѣкъ, трудолюбивый и дѣятельный, — Иванъ Парамоновъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, онъ сиротою былъ взятъ въ домъ крестьяниномъ деревни Ломовъ и призяченъ, т. е. крестьянинъ выдалъ за него свою дочь. Незадолго до холеры тестъ и теща умерли, и онъ жилъ съ своею женою и троими дѣтьми, изъ которыхъ старшая была дочь, Марья, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, а двое другихъ мальчики: восьми лѣтъ и году.

Дольше другихъ щадила болѣзнь Ивана, и можетъ быть оттого, что онъ не падалъ духомъ, не прятался и не боялся ея. Но вотъ однажды, къ вечеру, но прежде времени, онъ едва дотащился съ поля домой, — и жена его невольно вскрикнула, взглянувши на его помертвѣлое, страдальческое лицо. Сердце сразу сказала ей, что страшная очередь дошла до ихъ семьи. Иванъ не пошелъ въ избу, и повалился на полу въ сѣняхъ. Маша выскочила изъ избы, чтобы ухаживать съ матерью за больнымъ отцомъ; но онѣ обѣ не знали — что дѣлать, за что взяться, чѣмъ помочь. Докторъ наѣзжалъ раза

два въ Ломы, оставилъ даже лѣкарства, объяснялъ — какъ употреблять ихъ, и какія еще другія мѣры принимать въ случаѣ заболѣванія; но въ отсутствіи доктора — оставленные имъ лѣкарства и совѣты не помогали, и крестьяне извѣрились въ нихъ, рѣшивъ, что если кому отъ Бога „предѣлъ положенъ“, такъ никакой лѣкаръ не отходитъ, никакое лѣкарство не поможетъ, — а кому встать, такъ и безъ лѣкарства встанетъ ...

Долго сильная натура Ивана боролась съ болѣзною; но скоро вслѣдъ за нимъ захворала и свалилась его жена, такъ что Машѣ пришлось ухаживать вдругъ за двумя больными — отцомъ и матерью, и въ то же время заправлять всѣмъ домомъ. Ждать помощи было не откуда: у всѣхъ сосѣдей былъ своей страхъ, своя забота, свое горе; родныхъ у нея въ деревнѣ не было. Маша не растерялась, не упала духомъ, не бѣжала съ воплями просить о помощи. Блѣдная, истомленная, съ измученнымъ страдальческимъ лицомъ, не смыкая глазъ ни днемъ, ни ночью, — переходила она отъ отца къ матери, подавала имъ пить, растирала ноги и руки, корчившіяся въ судорогахъ, дѣлала — что могла и умѣла, чтобы облегчить страданія, — приговаривала сквозь слезы тѣми ласковыми словами, которыя подсказывало ей сердце, и въ то же время носила на рукахъ маленькаго брата, когда старшій братишка уставалъ, бросалъ его; и въ то же время не забывала вечеромъ и утромъ выдоить корову, согнать со двора скотъ на пастушню и встрѣтить его, а также накормить братьевъ. Отецъ и мать, въ минуты облегченія страданія, смотрѣли на нее угасавшими глазами, какъ на ангела-хранителя, — призывали къ себѣ, приговаривали ласковыми словами, благословляли, просили,